

И. И. ПОПОВ

Из книги «Минувшее и пережитое. Воспоминания»

<...> В церковь Св. Духа, где отпевали Достоевского, попасть было невозможно. У могилы также были: памятники, деревья, каменная ограда, отделяющая старое кладбище, все было усеяно пришедшими отдать последний долг писателю. Григорович просил студентов очистить путь к могиле и место около нее. Мы с трудом это сделали и выстроили венки и хоругви шпалерами по обеим сторонам прохода. Служба и отпевание продолжались очень долго. В церкви было сказано несколько речей. Многочисленное духовенство, александровские певчие и монахи проследовали к могиле, куда нам пробраться было уже невозможно. Речей я не слышал, но, взобравшись на дерево, видел ораторов. Впечатление осталось от апостольской фигуры Вл. С. Соловьева, от его падавших на лоб кудрей. Говорил он с большим пафосом и экспрессией. Разошлись от могилы, когда уже были зажжены фонари. Навстречу нам попадались группы людей, которые после службы шли отдать последний долг писателю. Литературные поминки по Достоевскому продолжались вплоть до 1 марта, которое оборвало эти воспоминания о нем.

Через два месяца после похорон Федора Михайловича мне пришлось снова встретиться с Вл. С. Соловьевым, также при исключительных условиях.

С 1880 года Соловьев читал лекции по курсу философии в Петербургском университете и на Высших женских бестужевских курсах. Его лекции не имели особенного влияния на радикально настроенную молодежь. Правда, вступительная лекция в университете произвела на всех большое впечатление, но потом к нему охладели и считали его слишком мистически настроенным. Зато публичные лекции в Соляном Городке и в других

залах пользовались большим успехом и охотно посещались публикой. В этих лекциях Соловьев затрагивал и современные темы и давал событиям приемлемое для нас освещение. Одна из таких лекций, прочитанная им в конце марта в зале Кредитного общества, около Александринского театра, произвела в Петербурге потрясающее впечатление. За неделю или за две до этой лекции И. С. Аксаков прочел лекцию, в которой обрисовал идеал царя, как его понимает народ. Царь, по представлению народа, носитель народных идеалов, воплощение всего хорошего и светлого, что есть в народе, вождь и водитель этого народа. О лекции много говорили, много спорили.

Процесс первоапрельцев подходил к концу. А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, Н. И. Рысаков, Т. Михайлов и Г. М. Гельдман уже переживали часы приговоренных к смерти, хотя приговор еще не был вынесен. В обществе была уверенность, что смертная казнь будет заменена каторжными работами. 18 марта суд удалился в совещательную комнату.

Этот момент совпал с лекцией Соловьева. Лекция привлекла массу публики, среди которой было много учащихся. В обществе ходили смутные слухи, что на этой лекции может что-то произойти.

Лекция была на философские темы¹ — точно не помню, на какие. Соловьев был встречен аплодисментами. Первая половина лекции была строго научная и не касалась современных тем. Лектор был даже несколько вял. Но во второй половине Соловьев осветил религиозные миросозерцания русского народа, в основе которых лежит бесконечное милосердие. Он сослался на лекцию И. С. Аксакова, принял его толкование об идеале царя. Местами лектор доходил до высокого пафоса, особенно там, где он доказывал, что истинная народная религия не терпит никакого насилия. Эти принципы должна проводить в жизнь и власть как представитель православного народа. Соловьев, насколько я помню, говоря о власти, упомянул о царе; между царем и народом должна быть полная гармония религиозных принципов, исключающих всякое насилие, иначе царь не может быть представителем народа, не может быть водителем христианского народа. Насилием нельзя насадить правду на земле. Аудитория застыла.

— В настоящее время над шестью цареубийцами висит смертный приговор. Общество и народ верят, что этот приговор не будет приведен в исполнение. Это так и должно быть. Царь как представитель народа, исповедующего религию милосердия, может и должен их помиловать.

Соловьев сошел с кафедры. В зале наступила тишина. Все как бы окаменели. Не было даже аплодисментов. Все чего-то ждали...

На кафедру вышел не то чиновник, не то офицер и обратился к Соловьеву приблизительно со следующими словами:

— Профессор, как нужно понимать ваши слова о помиловании преступников? Это только принципиальный вывод из вашего понимания идеи царя и толкования народного мирозерцания или это есть реальные требования? Как вы вообще относитесь к смертной казни?

Соловьев вернулся на кафедру.

— Я сказал то, что сказал. Как представитель православного народа, не приемлющего казни, потому что народ исповедует религию милосердия и всепрощения и верит в животворящего Христа, заветавшего нам прощать врагов, царь должен помиловать убивших его отца. В христианском государстве не должно быть смертной казни.

В зале произошло что-то неописуемое. Тут уже были не аплодисменты, а всех охватил порыв восторга. К лектору тянулись сотни рук... У многих на глазах были слезы, а некоторые плакали. Соловьев с трудом вышел из залы; пытались вынести его на руках.

Явилась уверенность, что требование-пожелание Соловьева будет удовлетворено. Но более спокойные и неувлекающиеся среди публики здесь же, в зале, говорили, что царь не помилует первомартовцев, Соловьева же выпшлют. Соловьева не выслали, но он вынужден был уйти из университета. <...> В день казни многие из нас не находили себе места.

